

Гроза миновала. Вчерашний холодный дождь до нитки пропитал землю, а сегодня небосвод сиял безупречной, омытой синевой. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь резные оконные переплеты, мягко согревали собравшихся в комнате.

Однако те, кто находился в боковом зале, едва ли замечали это тепло — все их внимание было приковано к молодому человеку, сидевшему во главе стола. Его фигура за массивным письменным столом тонула в тени, лишая образ четких очертаний, но голос звучал на удивление твердо и звонко.

Его слова прогремели для присутствующих подобно майскому грому посреди ясной степи.

Дать образование каждому простолюдину? Какое неслыханное, безрассудное высокомерие!

Впрочем, сам Цзян Умянь был бесконечно далек от праздного бахвальства. Он говорил спокойно и уверенно, словно излагал непреложную истину — то, что уже совершилось у него перед глазами.

Трое советников хоть и были потрясены услышанным, но уже успели изучить характер уездного судьи. Так называемая «всеобщая грамотность» была лишь конечной вехой, истинной же целью этого скромного собрания оставался сам путь к ней.

Советник Цзян быстро пересчитал в уме расходы и снова взял слово:

— Если вместо кистей использовать древесный уголь, а дорогую бумагу заменить простыми дощечками, то для начального обучения не понадобятся горы письменных принадлежностей.

Древесный уголь и дощечки по сравнению с изысканными чернилами и рисовой бумагой стоили сущие гроши — расходы сокращались до одной-двух медных монет. Одно из главных препятствий на пути к знаниям рушилось на глазах.

Цзян Умянь одобрительно кивнул и спросил:

— А если сделать процесс еще проще и доступнее?

«Еще проще?» — удивление на лицах присутствующих сменилось растерянностью. Опомнившись от первого потрясения, они принялись развивать мысль советника Цзяня. Неужели судья предлагает просто царапать землю сухими ветками?

Начальник тюрьмы Ван Си неуверенно открыл было рот, но Цзян Умянь лишь покачал головой:

— Дело не в дешевизне материалов. Я говорю о сокращении самого процесса во времени.

Кое-кто из собравшихся уже уловил ход его мыслей. Чэнь Пин и помощник судьи Чжоу выдохнули в один голос:

— Мастерские?

Именно! Мастерские! Наладить поточное производство, переложив заготовку угля и досечек на чужие плечи, чтобы жителям уезда Шаоюань оставалось лишь в кратчайшие сроки освоить грамоту со счетом и немедленно включиться в развитие родных земель.

Советник Линь быстро заносил главные тезисы обсуждения на бумагу. Перо в его руке двигалось стремительно и уверенно — сказывались годы упорного труда.

«План всеобщего просвещения, замена классической канцелярии дешевыми аналогами, оптимизация временных затрат, обязательное обучение...»

— Обязательное обучение? — Советник Линь нахмурился. — Господин уездный судья, даже если установить порядок, при котором половину дня люди будут учиться, а половину — трудиться, найдутся семьи, чьи дети попросту не смогут посещать занятия из-за крайней нужды.

Разумеется, сам замысел просветить народ был благим, однако эта праведная цель казалась слишком уж оторванной от суровой действительности — непременно найдутся те, для кого этот путь окажется закрыт жизненными обстоятельствами.

Пусть в последние годы в Великой Чжоу и воцарился относительный покой, простой люд по-прежнему балансировал на грани выживания. В долгосрочной перспективе реформы судьи принесли бы благоденствие в каждый дом, но в настоящем они отнимали у семей рабочие руки. В эпоху, когда производительность труда оставалась низкой, а рабочих рук и без того не хватало, забрать из полей даже детей означало лишить общины части урожая.

— В таком случае пусть они откажутся от учебы, — ровным голосом произнес Цзян Умянь. — Выживание всегда стоит на первом месте. О благоустройстве жизни можно рассуждать лишь тогда, когда решен вопрос голода.

Чтобы удержать уезд на этой зыбкой грани выживания, он уже приложил колоссальные усилия: разработал новые рецепты удобрений для повышения урожая, внедрил облегчающий пахоту плуг для заливных полей, создал рабочие места на рудниках, открыл множество ремесленных мастерских, проложил удобные цементные дороги и наладил производство прочного красного кирпича, способного продлить жизнь крестьянским хижинам...

Все эти меры уже позволили большинству вздохнуть свободнее. Настало время сделать

следующий шаг — улучшить сам быт. Однако здесь реформы уперлись в глухую стену: судье больше не требовались неграмотные чернорабочие.

Ему нужны были люди, умеющие читать, писать и считать, способные стать костяком новой администрации. Только на этом фундаменте уезд Шаоюань мог двигаться дальше.

— Сроки мы определили, выбор мест оставляю за вами, — подытожил Цзян Умянь. — Кроме того, правила в школах должны быть строгими. Где искать учителей — тоже вопрос немаловажный. Все эти дела мы обязаны уладить сегодня.

Помощник судьи Чжоу замялся, подбирая слова, бросил нерешительный взгляд на начальника и, наконец, решившись, заговорил:

— Господин судья, полагаю, в этом деле дельный совет вам может дать директор уездного училища.

Кто такой директор уездного училища? Это чиновник, в чьем ведении находилось образование во всем уезде. Он наставлял учеников, проверял их успеваемость и принимал экзамены. В училище при нем состояли несколько наставников. Те семьи в Шаоюане, что не могли позволить себе нанять домашнего учителя или не имели нужных связей, обычно отправляли детей учиться именно туда.

Из-за бесчинств мятежников уездное училище было закрыто на несколько месяцев. Лишь после того как порядок в Шаоюане восстановили, его двери вновь распахнулись для юных умов. У судьи Цзяня хватало забот, и, убедившись, что заведение работает, он больше не вмешивался в его дела. Но сегодня пришло время вспомнить о нем.

Цзян Умянь задумчиво кивнул:

— Помощник Чжоу прав. Нам действительно стоит нанести ему визит.

Совещание в управе затянулось до самых сумерек. Писари и старосты выходили из зала в полном ошеломлении, окончательно потеряв счет времени. Ван Си и Чжоу Цюань первыми удалились в задние жилые покои управы, и в просторном зале остались лишь Цзян Умянь и его доверенные люди.

Им предстояло обсудить сугубо технические тонкости предстоящего дела.

Судья разложил на столе тактическую карту. Советник Чжао Чэн сейчас находился в отъезде, но составленные им подробные чертежи сослужили верную службу на этом совете.

— Деревянные дощечки послужат лишь временной заменой, — заговорил Цзян Умянь, указывая на чертеж. — Как только в уезде заработает бумажная мастерская, мы полностью перейдем на собственную бумагу.

Советник Линь не вмешивался в разговор. Устроившись на другом конце стола, он торопливо приводил в порядок записи, пока свежи были воспоминания, оформляя их в подробный отчет.

Тем временем советники Цзян Цю и Чжан Жун вместе с судьей выискивали на карте подходящее место для будущей мастерской. Главным условием было обилие сладкого тростника чжэ, ведь именно его сухой жмых должен был послужить основой для бумажного сырья.

— В Шаоюане сладкий тростник чжэ выращивают в двух местах — в укреплениях Пинчао и Цзиньмяо на юго-западе, — Цзян Умянь коснулся пальцем двух отметок на карте.

Эти поселения лежали у самого подножия гор, как раз на том пути, которым обычно следовал проводник Ху Чжэн. Сразу за ними начинались земли диких горных племен.

Даже по названиям укреплений угадывалась их тесная связь с горами. Манейшая оплошность могла разжечь опасный конфликт, поэтому судья и планировал переход на местную бумагу лишь к середине просветительской кампании. Он предпочитал действовать мягко и постепенно, избегая любого силового давления.

Чжан Жун переглянулся с советником Линем, и глаза его загорелись:

— Господин судья, наши наставники по изготовлению удобрений как раз собираются в те края. Почему бы нам не совместить обучение с переговорами?

Благодаря новым цементным дорогам разъезды занимали куда меньше времени, и обучение крестьян продвигалось с опережением графика. Наставникам оставалось посетить всего три деревни, две из которых как раз и были теми самыми укреплениями.

Цзян Умянь на мгновение задумался.

— Обычно после отжима тростника чжэ сухие остатки идут на удобрения. Расспросите старейшин, пробовали ли они делать из этого жмыха смешанные подкормки и каков был урожай.

Пока уездный судья методично претворял в жизнь планы по обучению народа, по реке из области Цзяннань к префектуре Нанькан уже спешило грузовое судно.

В полный штиль далеко не уплывешь, а в бурю и вовсе с жизнью проститься недолго. Для речного путешествия нет ничего лучше ясного неба и легкого, попутного ветра — именно такого, как сегодня.

Тяжелая грузовая баржа уверенно скользила по речной глади. Стоявший у руля лодочник неторопливо беседовал с почтенным Се Яньханом, который плыл на этом же судне в качестве попутчика.

Этого перевозчика нашел Се Сяо — непутевый сын старого чиновника. Се Яньхан держал путь на юг, в область Линнань, и, поскольку им с лодочником оказалось по дороге, они с радостью разделили каюту.

Разговор вертелся вокруг префектуры Нанькан — конечной цели путешествия Се Яньхана.

— Наньканские пряности и рыба — это нечто особенное, здешние благовония закупают даже столичные господа, — вздохнул лодочник. — Да только после недавней смуты уцелело немного, цены теперь кусаются немилосердно.

Се Яньхан внимательно слушал, изредка кивая:

— Пряности и рыба — это хорошо. А как же вино? Неужели здесь нет хорошего хмеля?

Лодочник залиvisto рассмеялся и, воровато оглядевшись, вытащил из-за пазухи объемистый бурдюк.

— Обижаете, почтенный! Как без вина на воде? У каждого порядочного речника припасена фляжка!

Оба они знали толк в выпивке, и Се Яньхану хватило одного лишь запаха, чтобы понять — в бурдюке налито нечто стоящее. Старик с опаской покосился на дверь каюты. Супруга отдыхала внутри, так что пара глотков на свежем воздухе едва ли навлечет на него супружеский гнев.

Он сделал скромный глоток и причмокнул, смакуя послевкусие. Здешний хмель разительно отличался от всего, что ему доводилось пробовать прежде. Вина севера отдавали сладостью, на границе пили обжигающее, крепкое пойло, а это южное вино тянулось мягко, оставляя на языке тонкий, богатый аромат.

— Хорошо пошло, — похвалил гость.

Лодочник лишь головой покачал:

— Это разве вино? Вот когда ночью идешь по реке, поставишь на жаровню глиняный

кувшинчик, тепло по телу разливается, и весла сразу кажутся легкими, как перышки! — Он разочарованно цыкнул языком. — Слышал я, в уезде Шаоюань гонят какое-то невероятное вино, да только мне, старому, пока не довелось его испить.

Шаоюань? Земли его непутевого младшего ученика.

Се Яньхан удивленно приподнял бровь и даже опустил бурдюк:

— Вино из Шаоюаня?

— Местная таверна сама его варит. Насыщенное, а голова после него не дурная! — Стоило помянуть Шаоюань, как лодочника буквально прорвало. — Сами увидите, коли не верите. Купцы и с севера, и с юга только его и нахваляют! Рассказывают, один караван там на полмесяца застрял, все пытались рецепт выкупить. Так ничего и не выгадали, ушли ни с чем, только вздыхали на дорогу.

Он заговорщицки подмигнул Се Яньхану:

— В Шаоюане не только кормят знатно, там и вещи делают удивительные. Про плуг для заливных полей слышали? Ежели прикупить такой в хозяйство, пусть даже в складчину с соседями, работа пойдет в разы быстрее. Землю режет глубоко, комья в пыль разбивает — для посадки риса лучше инструмента не сыскать!

Слава об этом плуге долетела даже до северных рубежей империи. Се Яньхан знал, что один из приграничных генералов нарочно снарядил обоз, чтобы выкупить десяток таких орудий для военных поселений. Когда сам Се отправлялся в путь, сделка еще только оформлялась, так что вживую чудо-плуг он не застал.

Впрочем, старик не унывал — он ведь держал путь в самую префектуру Нанькан, на родину этих изобретений. Уж здесь-то дефицита точно не предвиделось.

Разделавшись с плугом, лодочник завел речь о мастерских по производству удобрений — еще одной цели их плавания.

Се Яньхан озадаченно переспросил:

— Мастерские удобрений?

Похоже, его ученик развернулся вовсю.

— Эва, да вы не знаете! — всплеснул руками лодочник. — Вещь драгоценная! В Шаоюане удобрения готовят совсем иначе, нежели наши деды делали. Там целая наука: из чего мешать,

сколько выдерживать, когда в землю вносить. Уездный судья специально обученных людей в каждую деревню разослал, да и сам частенько наведывается, проверяет, все ли крестьяне усвоили уроки.

— И при чем же тут мастерские?

— Как при чем? — с завистью протянул собеседник. — Эти мастерские скупают у народа всякий сор: помои, рыбью чешую да кости, потроха, гнилые фрукты. Коли у кого своего навоза на поля не хватает, они идут туда и покупают готовое сырье. За копейки, а пользы — на золотой слиток!

У лодочника тоже был клочок земли, да только жил он далеко от Шаоюаня, так что перенять премудрости не мог. Вот и решил воспользоваться случаем, чтобы лично разузнать, не продадут ли ему пару мешков чудесного средства.

Пока судно ходко шло по течению, перевозчик без умолку расхваливал диковины далекого уезда. Се Яньхан лишь добродушно усмехался, искренне недоумевая, как его младшему ученику удалось зайти так далеко. И главное — какими путями этот малец сумел вытащить его с северных рубежей и перевести сюда, на юг?

Если бы не застарелая вражда тамошнего генерала с его старшим учеником, Се Яньхан с удовольствием остался бы на границе — там было тихо, а столичные интриганы из клана Хань не совали туда свои носы.

Впрочем, знойный юг ничем не хуже. С древних времен эти края считались местом ссылки. Для тех, кто не знал истинного положения дел, перевод Се Яньхана выглядел как величайшая немилость императора Цзяньюаня. Мол, старик окончательно впал в опалу — обычным разжалованием тут не отделаешься, только изгнанием на дикую окраину под присмотр варваров!

— Превосходно... просто превосходно, — пробормотал старик, делая еще один глоток.

— И не говорите, почтенный, — поддакнул лодочник, собираясь разразиться новой тирадой, но баржа уже замедляла ход.

Впереди показались очертания пристани. Префектура Нанькан была прямо перед ними.